

DOI 10.24412/2541-9056-2023-126-7-15

УДК 34.04

**КОДИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СФЕРЕ СОВЕТСКОГО ПРАВА:
ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

А.А. Колчин, Ю.А. Мышко

Статья поступила в редакцию 13 января 2023 г.

Статья посвящена истории кодификационного процесса в нашей стране в 1920-1930-е гг., результатом которого становится принципиально новая по форме и содержанию система социалистического права, просуществовавшая фактически до распада СССР в 1991 г. и отличавшаяся от общепринятой системы права, выступившая для авторов в качестве исследовательского объекта. Актуальность затрагиваемых в статье вопросов заключается в необходимости переосмысления опыта правового строительства в нашей стране, что сегодня имеет принципиальное значение для оценки соотношения между российским законодательством и международным правом. Предметом рассмотрения на фоне масштабных исторических событий XX века выступили некоторые примеры советских нормативно-правовых актов, которые стали политическим компромиссом между профессиональной юриспруденцией и политическими установками советского государства тоталитарного типа. Для этого использовались анализ имеющихся в свободном доступе правовых документов, а также сравнение оценок кодификационного процесса в Советской России, а затем в СССР, представителей, прежде всего, юридического сообщества. Новизна подхода здесь заключается в попытке авторов недвусмысленно указать на возможность сначала создания самодостаточной правовой системы в рамках отдельно взятой страны, а затем её длительного практического применения. Сделанные выводы имеют прикладной характер для принятия в современной России политико-правовых решений, направленных на формирование в ней самостоятельного юридического пространства в условиях нынешних геополитических вызовов.

Ключевые слова: кодификационный процесс, систематизация, революционные события 1917 г., НЭП, советское законодательство, социалистическое право.

**CODIFICATION PROCESS IN THE SPHERE OF SOVIET LAW:
HISTORICAL AND LEGAL ASPECT**

A.A. Kolchin, Yu. A. Myshko

The article is devoted to the history of the codification process in our country in the 1920s-1930s, which resulted in a system of socialist law that was fundamentally new in form and content, which actually existed until the collapse of the USSR in 1991 and differed from the generally accepted system of law. The relevance of the issues raised in the article lies in the need to rethink the experience of legal construction in our country, which today is of fundamental importance for assessing the relationship between Russian legislation and international law. The subject of consideration in the context of large-scale historical events of the 20th century was some examples of Soviet legal acts that became a political compromise between professional jurisprudence and the political attitudes of the Soviet state of a totalitarian type. To carry out the research we used an analysis of freely available legal documents, as well as a comparison of assessments of the codification process in Soviet Russia, and then in the USSR, representatives, first of all, of the legal community. The novelty of the approach here lies in the authors' attempt to unequivocally point out the possibility of first creating a self-sufficient legal system within a single country, and then its long-term practical application. The conclusions drawn have practical significance and can be used while taking political and legal decisions in modern Russia aimed at forming an independent legal space in it in the context of current geopolitical challenges.

Key words: *codification process, systematization, revolutionary events of 1917, NEP, Soviet legislation, socialist law.*

Актуальность затрагиваемой в данной статье темы обусловлена тем, что 20-е – первая половина 30-х гг. XX века вошли в историю Отечественного государства и права как время масштабных кодификационных процессов. Переход нашей страны после революционных потрясений 1917 года и глубоких цивилизационных издержек Гражданской войны к мирному строительству потребовал юридического закрепления и правового обеспечения социальных отношений, утверждаемых Советской властью. А для этого была необходима логически стройная система нормативно-правовых актов, что и нашло выражение в составлении различного рода кодексов.

Само понятие «кодификация», красной нитью проходящее через всю статью, ча-

сто используется юристами и историками на протяжении длительного времени в следующем лексическом значении, которое не претерпело каких-то существенных корректировок: «кодификация законодательства – это форма систематизации законодательства, которая заключается в качественной переработке действующих юридических норм, устранении несогласованностей и противоречий правового регулирования, заполнении пробелов и в отмене устаревших норм» [12, с. 176]. Следовательно, кодификация выступает совокупностью правовых норм, приведенных в единую систему. Некоторые авторы в данном контексте считают, что можно применить понятие «законотворчество». Однако мы придерживаемся иной позиции: в реалиях Советской Рос-

сии, а затем Советского Союза, характеризуя кодификационные процессы, уместнее говорить о «систематизации» права как о «целенаправленном упорядочении и совершенствовании действующих нормативных правовых актов путем их обработки, перегруппировки и изложения по целостной системе в виде сборников, собраний или сводных актов» [11, с. 48].

Революционные события 1917 г. и Гражданская война в России завершились победой Российской социал-демократической рабочей партии (большевики), которая становится правящей политической силой в стране с ярко выраженной однопартийной системой. Именно данная партия определяла стратегические направления развития государства и права [3]. При этом кодификационные процессы рассматривались как деятельность по выработке принципиально новой правовой системы, которая должна была обеспечить смену дореволюционного права.

Уже 19 декабря 1917 года был принят план работы Народного комиссариата юстиции, структурным подразделением которого становится кодификационный отдел. Под руководством наркома юстиции эсера А.А. Шрейдера осуществляется работа по составлению Свода Законов русской революции, в качестве аналогового формата которого использовался Свод Законов Российской Империи [9; 1917. № 9. Ст. 127]. Поэтому «в Своде до сих пор сохраняется масса чисто исторического материала, который механически перепечатывается в новых изданиях Свода из года в год, несмотря на то, что он потерял всякое значение действующего права...» [9; 1917.

№ 12. Ст. 171]. Народный комиссариат юстиции посчитал невозможным применение к кодификации системы Свода начала XIX века ввиду ее устаревших монархических положений [7; Ф. 353. Оп. 2. Ед. хр. 164. Лл. 29-53]. Отсюда в соответствии с революционными представлениями о духе права «новая система Свода должна отвечать, прежде всего, совершившейся перемене и, следовательно, быть основанной на принципах принадлежности политической власти широким слоям трудовых масс, на преобладающем значении хозяйственной жизни и на полной замене централизованных бюрократических учреждений широким ростом общественных союзов общего и специального характера...» [7; Ф. 353. Оп. 2. Ед. хр. 164. Л 1]. Поэтому для полного соответствия правовой системы новой революционной действительности планировалось активно вносить изменения в дореволюционное законодательство.

Примечательно, что большевики занимали более радикальные позиции, нежели эсеры. Сосредоточив власть в своих руках, большевики предпочитали видеть новую правовую систему с обновленным государственным аппаратом, тогда как для эсеров было достаточно лишь реформирования уже существующего законодательства. По сугубо политическим мотивам все нормативно-правовые акты свергнутого государства были объявлены вне закона. «Наши законы и наше право, — отмечал П.И. Стучка, ставший наркомом юстиции после разрыва блока большевиков с левыми эсерами, — не могут быть консервативным, задерживающим факто-

ром, они должны играть всегда живую революционную роль. Вот почему мы говорим о революционной законности и соответственно можем признать только революционную кодификацию» [10,15].

Последовали организационно-структурные изменения Народного комиссариата юстиции: отдел по работе над текущим законодательством и кодификационный отдел теперь были объединены в один. Данный шаг представляется вполне обоснованным, ведь кодификация, по своей юридической сути, – это обобщение законотворчества.

В качестве первоочередных шагов было решено создать сборник, состоящий из двух томов:

1. Первый сборник включал бы Конституцию, закреплял права и обязанности граждан, социальное право, кодекс труда, новое международное право.

2. Второй сборник предполагалось посвятить техническим инструкциям и руководствам, таким как почтовая служба, судопроизводство и др.

Однако развернувшаяся в стране Гражданская война помешала создать объемный свод законов, и усилия юристов были перенаправлены на разработку жизненно необходимых отраслевых кодексов. Так, проект кодекса законов объектов гражданского состояния представлял собой попытку кодификации особо волнующих советских людей положений, таких как:

- 1) освобождение от влияния церкви;
- 2) уравнение в правах женщин с мужчинами.

Также предполагалось зафиксировать положения, уравнивающие в правах всех детей.

Партия эсеров, активно критикующая проект на заседании ВЦИК, не смогла добиться победы [9; 1918. № 75-76. Ст. 818.], и кодекс законов об актах гражданского состояния, а также семейном, опекуном, брачном праве [6, 149], был все же принят.

Дальнейший переход к НЭПу обусловил новые принципы кодификации гражданского законодательства и, прежде всего, такой его важнейшей части, как обязательственное право. Принятие Гражданского кодекса на тот момент становится невозможным, так как возобладали ленинская установка, что основой является «в области гражданского оборота публично-правовое, а не частное» право, а потому «необходимо полностью оградить интересы Советского государства и отменить все договоры и частные сделки, противоречащие интересам трудящейся рабочей и крестьянской массы» [5, 401]. Поэтому из ГК были исключены традиционные нормы цивилистики, введен ряд социалистических правовых институтов, что и сделало Советское законодательство непандектной системой. По сути, гражданское законодательство было концентрацией публичного права, что, естественно, отвечало интересам Советского государства. Тем не менее, кодификаторам удалось закрепить некоторые основные принципы цивилистики – нормы, которыми могли пользоваться физические лица. Что же касается юридических лиц, то гражданско-правовые отношения между ними приняли административный характер. В этой связи истории права и юристы кон-

статируют, что с принципами частного права, берущими свое начало в Римском праве, в нашей стране было покончено до 1991 года. Его восстановление началось после распада Советского Союза [1].

Следующим Кодексом, имевшим принципиальное значение для Советской власти, становится Кодекс Законов о труде РСФСР, в соответствии с которым:

- 1) было закреплено общее право на труд и на труд по специальности;
- 2) Отделы распределения рабочей силы были обязаны учитывать профессию и опыт трудоустраиваемых;
- 3) было оформлено администрирование трудовых отношений;
- 4) кадровые работники отвечали за подбор персонала.

Д.И. Курский в своих трудах отмечал, что раннее советское законодательство положило начало созданию кодексов 20-х годов XX века. Однако кодификационный процесс сопровождался серьезными правовыми издержками: не все юристы, вставшие на сторону советской власти, смогли адаптировать классическое право под революционные нужды. Поэтому в формировавшемся советском правовом пространстве появились новые юридические конструкции и институты. Очевидно, что революционное законодательство не имело ничего общего с классическими правовыми нормами, а все кодификационные работы проводились с учетом поиска политического компромиссного варианта для урегулирования проблемы.

В академических кругах считается, что кодификация гражданского законодательства стала одной из важных практиче-

ских задач юристов-подвижников в 1920-1930-е гг., а проделанная ими работа не имеет аналогов в мире. Здесь логично упомянуть исследовательские работы таких отечественных цивилистов, как: С.Н. Братусь, С.С. Алексеев, О.С. Иоффе. Так, О.С. Иоффе, рассуждая о противоречивости кодификационного процесса, утверждал, что право выступает в качестве системы правил поведения, которые исходят от государства, а государство – своего рода кукловод в театре марионеток, где театр – это жизнь, в экономическом смысле – хозяйственный оборот, куклы – это субъекты, физические и юридические лица, а право – это система ниточек, за которые дергает государство. Возникает картина некой предопределенности, заданности вектора жизни, биохевиористическая (поведенческая) картина мира..., а значит, государственная деятельность «творит» право [1].

Стоит отметить также серьезность подхода к кодификации. Так, в разработке хронологически первого проекта административного кодекса участвовали два научно-методических центра, в которых действовали тематические секции. Г.С. Гурвич активно поддерживал обсуждаемую на секции конституционного права Института советского права идею о создании «Кодекса законов об управлении». Тем не менее, перейти от проекта к созданию кодекса сотрудники института так и не смогли. К концу 1923 г. благодаря усилиям сотрудников НКВД РСФСР проект Административного кодекса был все-таки создан, и в журнале «Власть Советов» даже публиковались его части. Но работа

над Административным кодексом завершена не была, поскольку не решилась проблема, связанная с разграничением отношений, входящих в предметы административного и конституционного права.

Год начала перехода к НЭПу знаменовался тем, что в Народном комиссариате юстиции велась активная работа по составлению проектов Уголовного, Гражданского, Гражданско-процессуального и Уголовно-процессуального кодексов. А так как задача кодификации законодательства исходила от партийных органов, в исторических реалиях все более «сливавшихся» с государственным аппаратом, то в декабре 1921 г. данный проект нашел своё отражение в решениях XI конференции РКП(б). Как результат – в течение 1922-1923 гг. в РСФСР были приняты Уголовный, Гражданский, Земельный, Уголовно-процессуальный, Гражданско-процессуальный кодексы и Кодекс законов о труде [4].

Постановления Совета Народных Комиссаров СССР получают статус основных документов вскоре после образования Советского Союза. Сами же Постановления Совета Народных Комиссаров СССР часто имели чисто нормативное содержание, и их основная масса даже не публиковалась, а лишь рассылалась по различным ведомствам, где создавались соответствующие приказы. Непубликовавшиеся нормы обладали разными степенями секретности. Кроме того, издание нового нормативно-правового акта, как правило, не сопровождалось отменой старого, а в повседневной юридической практике основным становится обращение к существующим кодексам как к нормам, со-

державшим системное решение практических задач.

Закономерным итогом после образования СССР для Комиссии законодательных предположений становится задача дальнейшего усовершенствования советского законодательства, заключающаяся в упорядочении нормативного материала и его систематизации. Немаловажным является тот факт, что вышеупомянутая Комиссия должна была оформлять изменения, происходящие в государственно-правовом поле, в виде кодифицированных актов [9; 1923. № 99. Ст. 986].

В 1924 г. была принята Конституция СССР, которая определила в ведение Союза ССР гражданское, уголовное законодательство СССР и, конечно, основы судостроительства. Далее благодаря данным положениям в октябре 1924 г. II сессией ЦИК СССР II созыва были утверждены Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и Основы уголовного судостроительства Союза ССР и союзных республик. Для реализации закрепленного принципа единства уголовного законодательства в Конституции СССР 1924 г. были приняты Основные начала уголовного законодательства [2].

Уже в 1925 году Комиссия законодательных предположений начинает работу над «Систематическим собранием всего «живого», то есть действующего в настоящее время законодательства» [8].

Во второй половине 20-х – начале 30-х гг. XX в. кодификационные процессы в советском законодательстве продолжились. Во многом они были продиктованы свертыванием НЭПа и ориентацией

государственного аппарата на масштабные задачи индустриализации и коллективизации в стране. Так, в 1931 г. публикуется проект «Основных начал гражданского законодательства». Его подготовкой занималась комиссия сектора государства и права Коммунистической академии под редакцией П.И. Стучки. В глаза бросается факт, что гражданское право в то время делили на две части весьма необычным способом. Первая часть представляла собой собственно гражданское право и регулировала отношения частного сектора, тогда как вторая часть была призвана регулировать отношения социалистического сектора и по факту представляла собой хозяйственно-административное право. А вопросы разграничения общесоюзного и республиканского законодательства и вовсе оставались в зачаточном состоянии, что не способствовало его принятию.

В СССР 1935 г. был ознаменован принятием Уставов железных дорог СССР, сельскохозяйственной артели и Воздушного кодекса СССР. Также составлялись перечни фактически утративших силу законов, издавались систематизированные и хронологические сборники, что представляло собой подготовительную работу для кодификации. Однако объемных работ не проводилось, поскольку планировалось принятие новой Конституции СССР, в которой должны были отразиться изменения в сфере экономических отношений. Но процесс кодификации после принятия Конституции СССР 1936 г. не особенно продвинулся вперед, а, учитывая вскоре начавшиеся события на международной

арене, государственные задачи изменили свой вектор в эту сторону.

Имеется ещё одно серьезное обстоятельство: во второй половине 1930-х гг. происходили массовые политические репрессии, в условиях которых использовались неправовые методы управления; в послевоенное десятилетие общественно-политическая ситуация в стране из-за репрессий продолжала оставаться сложной. И только в 1960-е гг. целенаправленная работа по кодификации советского законодательства возобновится: именно в этот период советское право окончательно оформится как право нового социалистического типа.

Подытоживая кодификационный процесс в нашей стране в 1920-1930-е гг., необходимо отметить его высокий профессиональный уровень, несмотря на его идеологическую направленность. Профессионализмом кодификация обязана юристам, ведущим специалистам в своей области, получившим образование в лучших университетах Российской империи. Благодаря им удалось создать новую систему права, органично вписав ее в уже существовавшую пандектную. В этом отношении стоит согласиться с П.И. Стучкой, который вспоминал, что «за небольшое количество лет все законы, все обычаи, все семейные традиции нашей гражданской и торговой юриспруденции в порядке своего рода акта социального насилия были расплавлены и влиты в форму, из которой они вышли обновленными и переформированными в законодательные формулы — четкие, точные, внушающие удивление силой и абсолютностью значения своих юридических догм» [10, 14].

Список литературы

1. **Антонова Л.И.** Революционная кодификация законодательства РСФСР (1920-1930-е гг.) // Управленческое консультирование. – 2008. – № 4. – С. 136-155.
2. **История советской Конституции.** – М.: Госюриздат, 1957.
3. **Каар Э.** История Советской России. Большеви́стская революция 1917–1923 гг. Книга 1. Том 1, 2. – М.: Изд. «Прогресс», 1990. – 771 с.
4. **Козлова Е.А., Кутафин О.Е.** Конституционное право РФ: Учебник. – М.: Проспект, 2014.
5. **Ленин В.И.** Письмо в Политбюро ЦК РКП(б) о Гражданском кодексе РСФСР // Полн. собр. соч. – Т. 44.
6. **Протокол 4-го заседания ВЦИК 5-го созыва.** – М.: Изд-во ВЦИК, 1919.
7. **Свод законов русской революции** – Уголовное уложение. Изд. 1918 г. Ч. V // Государственный архив РФ (далее – ГАРФ). – Ф. 353. – Оп. 2. – Ед. хр. 164. – Лл. 1, 29-53.
8. **Систематическое собрание действующих законов СССР.** – Кн. 1: Предисловие. – М.: Госиздат, 1926.
9. **Собрание узаконений и распоряжений РСФСР** (далее – СУ РСФСР). – 1917. – № 9. – Ст. 127; СУ РСФСР. – 1917. – № 12. – Ст. 171; СУ РСФСР. – 1918. – № 75-76. – Ст. 818; СУ РСФСР. – 1923. – № 99. – Ст. 986.
10. **Стучка П.И.** Революционная кодификация // Революция права. – 1929. – № 5. – С. 12-19.
11. **Теория государства и права:** в 2 т. Особенная часть: учебник и практикум / А.П. Альбов [и др.]; под общей ред. А.П. Альбова, С.В. Николукина. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – Том 2. – 336 с.
12. **Юридический энциклопедический словарь.** – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 528 с.

References

1. **Antonova L.I.** Revolyucionnaya kodifikaciya zakonodatel'stva RSFSR (1920-1930-e gg.) // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. – 2008. – № 4. – S. 136-155.
2. **Istoriya sovetskoj Konstitucii.** – M.: Gosyurizdat, 1957.
3. **Kaar E`.** Istoriya Sovetskoj Rossii. Bol'shevistskaya revolyuciya 1917–1923 gg. Kniga 1. Tom 1, 2. – M.: Izd. «Progress», 1990. – 771 s.
4. **Kozlova E.A., Kutafin O.E.** Konstitucionnoe pravo RF: Uchebnik. – M.: Prospekt, 2014.
5. **Lenin V.I.** Pis'mo v Politbyuro CzK RKP(b) o Grazhdanskom kodekse RSFSR // Poln. sobr. soch. – T. 44.
6. **Protokol 4-go zasedaniya VCIK 5-go sozy`va.** – M.: Izd-vo VCIK, 1919.
7. **Svod zakonov russoj revolyucii** – Ugolovnoe ulozhenie. Izd. 1918 g. Ch. V // Gosudarstvenny`j arxiv RF (dalee – GARF). – F. 353. – Op. 2. – Ed. xr. 164. – Ll. 1, 29-53.
8. **Sistematicheskoe sobranie dejstvuyushih zakonov SSSR.** – Kn. 1: Predislovie. – M.: Gosizdat, 1926.
9. **Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij RSFSR** (dalee – SU RSFSR). – 1917. – № 9. – St. 127; SU RSFSR. – 1917. – № 12. – St. 171; SU RSFSR. – 1918. – № 75-76. – St. 818; SU RSFSR. – 1923. – № 99. – St. 986.
10. **Stuchka P.I.** Revolyucionnaya kodifikaciya // Revolyuciya prava. – 1929. – № 5. – S. 12-19.

11. Teoriya gosudarstva i prava: v 2 t. Osobennaya chast': uchebnik i praktikum / A.P. Al'bov [i dr.]; pod obshhej red. A.P. Al'bova, S.V. Nikolyukina. – M.: Izdatel'stvo Yurajt, 2019. – Tom 2. – 336 s.

12. Yuridicheskij e`nciklopedicheskij slovar`. – M.: Sovetskaya e`nciklopediya, 1987. – 528 s.

Для ссылки: **Колчин А.А., Мышко Ю.А.** Кодификационные процессы в сфере советского права: историко-юридический аспект // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2023. – №1 (26). – С. 7-15.

DOI 10.24412/2541-9056-2023-126-7-15